

**ГАЛЕВ
РОМАН
ВЛАДИМИРОВИЧ**

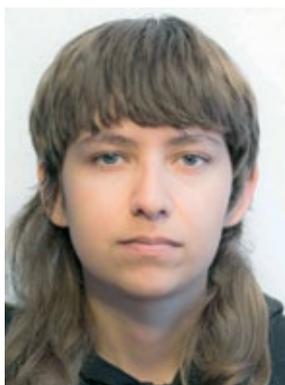

Кандидат физико-математических наук, младший научный сотрудник. Институт теоретической и прикладной механики. Сибирское отделение РАН.

Новосибирск, Россия.

E-mail: galeyv@itam.nsc.ru

**ИВАНЧЕНКО
МАРИЯ
АНТОНОВНА**

Кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии и права. Уральское отделение РАН.

Екатеринбург, Россия.

E-mail:

mariiaivanchenko.phd@yandex.ru

УДК 128

**ВЫНОСЯ СМЕРТЬ ЗА СКОБКИ:
КАК КУЛЬТУРА ПОДДЕРЖИВАЕТ
СТРАХ БЕССМЕРТИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются два взаимосвязанных и, вместе с тем, взаимоисключающих друг друга феномена – смерть и бессмертие – в контексте человеческих культуры, науки и повседневности. Исследуется генеалогия страха бессмертия (иммортифобия), предпринимается попытка объяснить его возникновение. Изучается культурный, исторический и философский контекст возникновения иммортализма с XIX по XXI в. С целью переосмысления феномена бессмертия авторами статьи выделены следующие задачи: исследование иммортифобии и ее значимых атрибутов; исследование встраивания смерти в картину мира каждого человека; определение понятия «телесного бессмертия» и приведение аргументов сторонников и противников бессмертия в рамках художественной литературы, науки, истории, философии. В исследовании используется междисциплинарный подход: синтез философской антропологии, литературоведения, историографии, социальной философии в сочетании с феноменологическим методом. Авторы статьи делают следующие выводы: 1. Практическое бессмертие и иммортифобия недостаточно исследуются в российской науке. 2. Встраивание смерти в картину мира является очень эффективным способом уменьшения вторичного страдания от осознания своей и чужой смертности. 3. Бессмертие предстает в сознании людей как внутренне противоречивое явление, корни противоречия авторы видят в культуре. 4. В случае, если люди перестанут умирать от старости, иммортифобия будет существовать, как очень мощная детская травма.

Ключевые слова: проблема конечности человеческого бытия, проблема смерти, бессмертие, иммортализм, иммортифобия, импорт-фантастика, трансгуманизм, постгуманизм, антиномии иммортифобии.

Roman V. Galev

**Institute of Theoretical and Applied Mechanics
of the SB RAS**

E-mail: galev@itam.nsc.ru

Mariia A. Ivanchenko

Institute of Philosophy and Law of the UB RAS

E-mail: mariiaivanchenko.phd@yandex.ru

**PUTTING DEATH OUT OF THE
BRACKETS: HOW CULTURE SUPPORTS
THE FEAR OF THE IMMORTALITY**

Abstract. The article considers two phenomena – death and immortality – in the context of human culture, science and everyday life. The genealogy of the fear of immortality (immortophobia) is investigated. The cultural, historical and philosophical context of immortalism at the XIX–XX and XXI century is studied. The aim is to rethink the phenomenon of immortality: to investigate of immortophobia; to study of the incorporation of death into the picture of the human world; to define the concept of “embodied immortality” and to present the argumentation of adepts and opponents of immortality in fiction, science, history, philosophy. The interdisciplinary approach is used to investigate the phenomena of death and immortality: a synthesis of philosophical anthropology, social philosophy, literary studies, historiography combined with the phenomenological method. The authors of the article draw the following conclusions: 1. Practical immortality, as well as immortophobia, are insufficiently investigated in the Russian science. 2. Incorporating death into the picture of the world is a very effective way to reduce secondary suffering from the realisation of one’s own and others’ mortality. 3. Immortality appears in people’s consciousness as an internally contradictory phenomenon, the roots of this contradiction the authors see in culture. 4. Even if the people stop dying of senility, immortophobia will remain as a very powerful childhood trauma.

Keywords: the problem of the finitude of the human existence, the problem of death, immortality, immortalism, immortophobia, immort science fiction, transhumanism, posthumanism, antinomies of immortophobia.

DOI: 10.47850/2410-0935-2024-19-182-195

© Р. В. Галев 2024
© М. А. Иванченко 2024

Введение

Каждый человек сталкивается с физическим явлением смерти тела. Для того, чтобы уменьшить эмоциональные страдания от осознания факта смерти, человек использует «встраивание» смерти в свою персональную картину мира: примирение со смертью, уменьшение цены жизни; а эффективность встраивания оценивается по уменьшению вторичного страдания от осознания конечности бытия. На этапе осознания проблемы смертности, этапе отрицания смерти, конституируется образ телесного бессмертия (как образ отрицания телесной смерти), на следующем этапе появляется необходимость преодоления этого телесного бессмертия (смерть очевидно присутствует в реальности, бессмертие же отсутствует), также неизбежно происходит еще одно сопутствующее встраивание – встраивание бессмертия в картину мира. Бессмертие встраивается таким образом, что телесное бессмертие (в отличие от бессмертия души) в персональной картине мира обязано принять негативную коннотацию в силу того, что основная задача – встроить телесную смерть в картину мира.

Когда человек не в состоянии изменить реальность, он начинает менять свое отношение к ней. В частности, человек не способен избежать смерти, и потому он вынужден убедить себя, что смерть – это нормально, естественно и закономерно. Например, эффективно подавляется страх смерти от самой распространенной причины – старости – от возрастных заболеваний.

В процессе самообмана всегда есть начальный момент, который забывается, как родовая травма, как акт неправильного воспитания, однако, оставляет после себя неизгладимый след в виде детской психологической травмы. Все люди делают вид, что ее не существует, но эта травма определяет нашу жизнь. Речь идет об акте изгнания из картины мира наивной мечты о бессмертии тела (иммортализма).

Каждый из нас в детстве был имморталистом, «пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я» – это первый этап психологической проблемы, этап отрицания телесной смерти. В детстве отрицание оформлялось в образы телесного и духовного бессмертия: вечная молодость, неуязвимость, сверхспособности, воскрешение из мертвых. Но уже на следующем этапе каждый человек со слезами вырывал из груди эту мечту, топтал ее ногами («умрет мама, умру я»), так как сталкивался с фактом чьей-то смерти, с болезнью. У нас не получается одновременно убедить себя в нормальности смерти и в нормальности отсутствия этой же самой смерти (т.е. телесного бессмертия), поэтому люди выбирают то, что вещественно (смерть реальна). Именно от этой пережитой детской боли взрослые люди не желают говорить о бессмертии тела, а если и говорят, то только в негативном аспекте, и эту детскую травму мы будем называть термином «иммортофобия». Иммортофобия – это отторжение телесного бессмертия, страх перед ним.

Первое свойство иммортофобии – она иррациональна, в ней нет и не может быть ничего разумного – это след детских слез, след победы над страхом смерти. Сама тема телесного бессмертия, как таракан на кухонном столе, вызывает у нормальных людей тревогу, дрожь, отвращение или панику. Другими словами, нельзя разумными аргументами убедить человека в том, что бес-

смертие тела может быть ценным. Оно просто за рамками аксиологии современного человека.

Иммортофобия требует выхода, материализации. Писатели постоянно пишут о том, что телесное бессмертие – явление негативное. Бессмертие не нужно (жизнь бессмысленна, всюду страдания, а смерть прекрасна и полезна), вредно (люди будут страдать и умрут, сама эта мысль вредна – бессмертие недостижимо, а потому эта мысль глупа), отвратительно (как выжившие из ума от старости струльдбруги Свифта или вечно-гнимый кальмар Стругацких, сама мысль о бессмертии оскорбляет наших стариков), или же оно не для людей (людям нельзя, а эльфам и вампирам можно, роботам тоже можно, компьютерным персонажам можно).

Иммортофобия является «табуированной темой», она скрыта, она в тени. Ее как будто бы совсем нет. То есть люди, с одной стороны, активно высказываются против бессмертия, и тут же говорят, что никакого отторжения бессмертия не существует (иммортофоб не признается в том, что он иммортофоб) – эта амбивалентность является нормальной для иррационального типа мышления. Иммортофобию можно использовать для психологических, культурных, социальных исследований – но никто не использует. Иммортофобия «слепа и всеядна»: очень легко вызвать обеспокоенность иммортофобного общества, например, невинной попыткой изобрести очередной «пенициллин» – лекарство для продления жизни может быть интерпретировано как тот самый «таракан на столе»: как попытка создать телесное бессмертие. За таким изобретателем вполне могут устроить охоту, подобную охоте на ведьм, как это произошло в Китае, когда ученый Хэ Цзянькуй, использовавший технологию генетического редактирования CRISPR/Cas9 для того, чтобы отредактировать гены эмбрионов для устойчивости к ВИЧ, был подвергнут уголовному преследованию¹.

Второе свойство иммортофобии: она влияет на актуализацию научных исследований. Это характерный пример того, как психика влияет на реальность. В частности, не приходится ждать государственной программы создания эликсира молодости. Этот эликсир никому не нужен – задача, которую мог бы решить эликсир, уже решена: люди, якобы, не боятся умирать, они умеют это делать, им не нужно омоложение. Граница толерантности проходит по ЗОЖ.

Философия телесного бессмертия: задачи

Среди философов тему телесного бессмертия в настоящее время разрабатывает академик И.В. Вишев (его иммортология – «практическое бессмертие» [Вишев 2009: 112–119] при помощи методов науки). Он ставит перед иммортологией задачу в рамках философии: «сформулировать <...> необходимость достижения реального личного бессмертия» [Вишев 2019: 225]. И.В. Вишев отмечает, что практическое бессмертие не является популярной темой в философии, тема встречает отпор, в том числе и некорректного свойства: оппоненты отрицают фундаментальность проблемы бессмертия, проблема практического бессмертия почти не обсуждается в философской литературе и не поднимается на философских конгрессах, отсутствие внимания к теме бессмертия

¹ См.: <https://nplus1.ru/news/2022/04/05/he-unchained> (дата обращения 21.04.2024)

наблюдалось и в философии советского периода, о проблеме бессмертия оппоненты позволяют себе высказывать бессмыслицу, делая философскую дискуссию невозможной.

Телесное бессмертие в узком, точном смысле представляется как предельный недостижимый идеал отрицания смерти тела – бесконечная жизнь по причине невозможности умереть (включая, если угодно, и способность существования в виде «энергетического всепроникающего вихря» с возможностью волевого превращения тела из энергетического состояния в вещественное с выбором внешнего вида по желанию), а также восстановление тела из любого состояния (из праха или из «информационного следа в пространстве») и последующее оживление (воскрешение).

Телесное бессмертие в широком смысле представляется как любые шаги в направлении предельного идеала, в направлении увеличения жизни – эликсир молодости, замедление старения, регенерация частей тела, увеличение способности выживать (без воздуха, при неестественных давлениях и температурах, в агрессивных средах), замена пришедшего в негодность биологического тела на более молодое и здоровое, или же перенос сознания на небиологические или неиндивидуальные, в более жизнеспособные или неуязвимые носители (в интернет, в компьютер, в робот, в трактор, в самолет, в «энергетический аватар», что бы это ни значило, в коллектив особей или в целую планету), анабиоз и заморозка тела с целью остановки процессов биологического разложения или же жизнедеятельности, в частности процесса старения – это прямые задачи, которые присваивают сторонники «бессмертия тела» и рассуждают о них всерьез, как о задачах главного приоритета, которые необходимо решать всему человечеству здесь и сейчас.

Это присвоение наталкивается на возражения ученых, медиков и других специалистов, занимающихся реальным продлением жизни и предупреждением фактов смерти (спасатели, полиция, автоинспекция и т. д.), так как ученые и медицинские специалисты в силу свойственной им иммортофобии не хотят иметь ничего общего с «бессмертием тела».

Так, например, И. Мечников, обнаружив, что чем длиннее кишечник животного, тем меньше оно живет, связав этот факт с количеством вредных веществ, вырабатываемых микробами кишечника, стремился продлить жизнь, в частности воздействуя на микробиоту кишечника посредством употребления «болгарского йогурта», но при этом он утверждал, что бессмертие невозможно. А. Богданов, с одной стороны, исследовал результаты переливания крови на предмет омоложения [Сергеева 2015], а с другой стороны, написал рассказ «Праздник бессмертия» (или «Бессмертный Фриде» 1912), где главный герой, подаривший миру технологию омоложения, восстановления и оживления тела, впадает через тысячу лет жизни в депрессию и убивает себя путем саможжения до состояния пепла (чтобы не осталось частиц, из которых можно восстановить и оживить тело).

Академик АН УССР Н. Амосов создал собственную систему продления жизни (ЗОЖ) и писал роман «Записки из будущего» (1965), где высказал мысль, что старение принципиально неустранимо. По сюжету главный герой успешно продлевает себе жизнь за счет анабиоза – и в наступившем будущем (2020-е годы) предлагает повышать общественную сознательность человека не вос-

питанием, а сращиванием с искусственным интеллектом, высказывая дерзкую мысль, что искусственный интеллект в симбиозе с человеческим разумом должен играть ведущую роль.

Академик В. Скулачев – биолог, создавший вещество, выводящее свободные радикалы из клеточных митохондрий человека и тем самым восстанавливающее некоторые функции стареющего организма, высказываясь в пользу и необходимость прекращения старения, интересуясь вопросом продления молодости [Скулачев 2017], тут же оправдывался, что не занимается бессмертием. Само традиционное общество взирает на деятельность ученых с подозрением, постоянно обвиняя их в том, что они сооружают ненужное, и даже вредное «бессмертие», вынуждая тех оправдываться и выбирать выражения при описании своей деятельности.

Также, кроме прямых задач, имеют место косвенные задачи бессмертия тела: увеличение способностей, которые влияют на выживание косвенно: супер-сила, супер-интеллект, супер-чувствование (как во внешнем мире – супер-слух и супер-зрение, восприятие радиоволн и «невидимых опасностей», так и в мире внутренних ощущений и эмоций – супер-удовольствие – эта сверх-эмоциональность, якобы, влияет на само желание жить, а не накладывать на себя руки), полет силой мысли, телепатия и телекинез, ясновидение и т. д.

И третий тип задач – сопутствующие задачи, которые естественным образом возникают при размышлениях о бессмертии тела: увеличение цены жизни, генерирование смыслов жизни, определение уровня допустимого страдания [Иванченко 2024: 244–245], горизонт планирования, социальное взаимодействие, цели бессмертного общества.

Апология смерти

Основное отличие «телесного бессмертия» от «бессмертия души» состоит в том, что телесное бессмертие подразумевает существование человека в материальном физическом мире и возможность влиять на физические процессы, в то время как любые загробные концепции подразумевают существование сознания (души) в мире трансцендентном, не связанном с реальным миром. Причину иммортофобии предлагается искать в культурном явлении смерти, в способах встраивания смерти в картину мира [Андреева 2013: 33–36], [Даренский 2016: 62–73]. Наряду с широко распространенными способами смирения со смертью (религии, философии «научения смерти» [Гагарин 2017: 12–18], [Минеев 2014: 97], традиции, лирика), имеют место и оригинальные способы, например теософия [Соловьев 2014: 227] и антропософия [Бонецкая 1995]. Кроме того, что со смертью вынужденно смиряются, в смерти находят различную пользу (Death Safe, Движение за добровольное вымирание человечества) или эстетику (молодежные субкультуры готов, эмо, сатанистов, металлистов), испытывают практический запрос на встраивание смерти в картину мира, например, для психологической подготовки смертников, или солдат перед боем, или же для умирающих больных. Имеют место так называемые «темные жанры» в литературе: пост-апокалипсис и зомби-апокалипсис, дарк фэнтези, grimdark, хоррор, боевик, абсурд, обесценивающие и обесмысливающие жизнь.

Следует отметить, что в исторических текстах высказывания, связанные с отрицательным мнением о бессмертии тела, можно проследить, начиная с «Эпоса о Гильгамеше» (XVIII—XVII вв. до н.э.), где главный герой, став равным богам, перечисляя им, вступая с ними в схватки и пренебрежительно отвергая их любовь, отправился за средством, способным оживить мертвого и дать вечную телесную жизнь, нашел это средство и утратил его, будучи обворованным: «Дело человека – принимать то, что определено ему богами: наслаждаться жизнью и после – умирать» [Акимов 2017: 173]. Следы спора о бессмертии присутствуют в даосских текстах («Гэ хун. Баопу-цзы», 317–320 гг., главы 2, 3, 5) [Гэ Хун 1999].

Встраивание смерти в картину мира является очень эффективным способом уменьшения эмоционального дискомфорта от осознания своей смертности и от столкновения с фактом смерти других людей. Чтобы показать эффективность встраивания смерти в картину мира, заметим, что информация о том, что кто-то умер, вызывает эмпатию, но сила этой эмпатии зависит не от количества умерших, а от обстоятельств смерти и близости к умершему («свой/чужой»).

По данным статистики можно приблизительно оценить, что в мире от всех причин умирает порядка 100 тыс. человек в день: в ДТП около 1%, от суицида 1%, на военные действия, преступления, несчастные случаи, неизлечимые заболевания приходится несколько процентов смертей, и около 80% смертей вызвано старостью («возрастозависимыми заболеваниями» согласно ВОЗ и FDA)². В связи с этими цифрами отметим ту безмятежность, с которой человек воспринимает смерть от старости (80%), по сравнению с тем острым переживанием на грани паники, вызванным новостями о смертях от COVID (1%). Наша картина мира сформирована культурными и историческими обстоятельствами таким образом, чтобы человек не переживал, думая о смерти от старости.

Каждому человеку необходимо встроить смерть в свою картину мира (умирать должно быть не страшно), однако, не настолько глобально, чтобы всю культуру сводить к проблеме встраивания смерти в картину мира, как, например, сводят авторы «Теории Управления Страхом Смерти», утверждая при этом, что правомерно рассмотрение «всей культуры» исключительно как набора инструментов по управлению страхом смерти [Чистопольская 2014: 125–142].

В жизни человека имеет место следующая динамика: сначала телесное бессмертие рассматривается как позитивное и желанное явление, а со временем происходит отторжение и замещение реального мира миром трансцендентным (телесное бессмертие заменяется бессмертием души).

Приведем примеры этой динамики в истории. Современные исследователи разделяют алхимию на «внешнюю» и «внутреннюю» (появилась позже и сменила внешнюю), внешняя алхимия занималась поисками философского камня и панацеи (способов продлить жизнь в реальном мире), а внутренняя алхимия заботилась о душе в трансцендентном мире: «Можно было бы, одна-

² По данным официального сайта ВОЗ, ежегодно умирает от суицида 700 тыс. в год, в ДТП – 1,2 млн в год. Округляем и то, и другое до 1 млн. 1 млн – это 1% от 100 млн. Если в год умирает 1% человек, то и в день тоже 1% (делим 100 млн. на 365 дней, получаем примерно 100 тыс. человек в день). URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 22.04.2024).

ко, не начинать тему, но просто отослать вас к предшествующим главам, из коих можно, верно, понять, чем были и чем стали оппозиции средневекового мышления, выродившиеся в жесткие конструкции алхимического символизма, и что стало в конце концов с этими символами; чем был и чем стал алхимический рецепт, уничтоживший самого себя; как преобразовал себя алхимический миф и как алхимическая “теория” и алхимический “эксперимент” уступили место теории и эксперименту новой химии» [Рабинович 1979: 296–297]. Ранний даосизм отличается от позднего тем же свойством – сначала ставка делалась на способы продления жизни в реальном мире, потом даосы сдались и начали искать способ совершенствования в трансцендентном мире [Стулова 1984]. Ту же динамику можно видеть в отношении учения Н. Федорова [Федоров 2008]. Если сам Н. Федоров построил прекрасную картину мира, основанную на необходимости воскрешения всех предков, то современные федоровцы уже смещают акцент с необходимости воскрешения на другие аспекты учения: на любовь ко всему живому и на «космическое бессмертие».

Особенность встраивания смерти в картину мира состоит также в том, что логические и рациональные рассуждения не играют роли, так как картина мира здесь выполняет психотерапевтическую функцию, а не функцию гносеологическую. Кроме того, задача сама по себе непростая и логически противоречивая – хотеть жить и одновременно соглашаться со смертью значит «подружить» жизнь со смертью. Именно поэтому никто не планирует рационально рассуждать на тему бессмертия – это попросту противоречит задаче уменьшения эмоционального дискомфорта.

Иммортофобия явно прослеживается в различных видах литературы. Так, например биолог Н.Н. Плавильщиков написал биологический очерк «Смерть и бессмертие» (1925), актуальность которого обосновал необходимостью создания научного способа борьбы со страхом смерти взамен религиозного. В художественной литературе можно также указать на следующие примеры отторжения бессмертия. Роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890), где мистическая способность сохранять молодость разрешает герою романа нарушать этические нормы. Высказывается мысль, что разгульный образ жизни приводит к преждевременному старению, и именно нежелание стареть останавливает людей от греха. Рассказ Х. Борхеса «Бессмертный» (1947), где бессмертие и неуязвимость приобретается посредством контакта с водой реки бессмертия, жизнь бессмертных неуязвимых людей безнравственна и бессмысленна, бессмертные желают стать смертными (главному герою это удается: он находит реку, смывающую бессмертие). Роман В. Савченко «Открытие себя» (1967): изобретенная машина технически дает возможность омоложения, но этой возможностью не пользуются. Роман В. Савченко «За перевалом» (1984): в обществе будущего технически возможность омоложения есть, но люди предпочитают убивать себя с наступлением старости, чтобы освободить место молодым (также заявляется, что в бессмертии нет смысла).

Негативный образ бессмертия присутствует также и в кинофильмах: с греческими богами, супергероями, вампирами, эльфами, бессмертными драконами, зомби, Кощеем Бессмертным, роботами и т. д. Негативность достигается теми же неизменными нарративами: бессмертие вредно, бесполезно, отвратительно, аморально, нежелательно, не для людей. Например: «Быть Джоном

Малковичем» (1999), «Двухсотлетний человек» (1999), «Время» (2011), «Восхождение Юпитер» (2015), «Три тысячи лет желаний» (2022).

Можно говорить, что иммортофобия является культурным явлением ровно в той же мере, что и смерть. Можно даже сформулировать культурную норму: «нельзя всерьез говорить позитивно о бессмертии тела». Можно наметить демаркационную линию, которая в области продления жизни отделяет серьезные темы от несерьезных: серьезно следует относиться к тем способам продления жизни, которые связаны с реально устранимыми причинами смерти (техника безопасности, здоровье). Все остальные способы продления жизни (несуществующие) объявляются «бессмертием тела» и подвергаются культурным иммортофобным санкциям, стигматизации, дискриминации, замалчиванию, высмеиванию, лишению голоса, искажению смысла. К бессмертию тела принято относиться как к шутке, к несбыточной мечте.

Здесь отметим специфический позитивный образ бессмертия – с убеждением, что «бессмертие – это хорошо, но не для нас» (а только для богов, сказочных существ, инопланетян, компьютерных персонажей, избранных, а на нас не хватает, на нас не действует технология бессмертия, или мы недостойны, нам еще рано или уже поздно), например в фильмах: «Горец» (1986), «Человек с Земли» (2007), «Аватар» (2009, 2022), где Эйва бессмертна и состоит из душ всех живших на планете существ (коллективное общее тело для множества личностей и сознаний животных).

В компьютерных играх концепция бессмертия тела присутствует не только в виде бессмертных персонажей, которыми управляет игрок, но уже в самой процедуре «сохранить игру/загрузить игру», что порождает соответствующий бессмертию игровой лексикон: «я восстановился», «точка возрождения» и т. д., который переносится в реальную жизнь уже с априорным отторжением бессмертия от реального мира, например, в качестве юмора с использованием сравнения реальной ситуации с компьютерной игрой, где улавливание иронии адресатом основано на единообразном представлении о том, что бессмертие возможно только вымышленное, виртуальное, а в реальности ему места нет.

Отметим особенность в общепринятом отношении к бессмертию, которую можно назвать «игра в бессмертие». В частности, «омоложение» активно используется в переносном смысле (предполагая положительную коннотацию «омоложению»): увольнение стариков из коллектива называется «омоложением коллектива», превращение живой клетки из дифференцированной в стволовую (т.е. «сброс персональных настроек, обнуление до зачаточного состояния») называется «омоложением клетки» (такое «омоложение» не дает организму ничего хорошего).

В.И. Вернадский использовал «вечность» жизни в переносном смысле, подразумевая не отсутствие телесной смерти, а возможность существования живых организмов (одноклеточных) вне Земли [Вернадский 1922]. Отдельной строкой в «игре в бессмертие» можно выделить «игру в молодость»: демонстрацию млажавого вида и поведения (за счет косметики, препаратов, хирургических процедур или мысленных внушений), а также пожелание долгих лет жизни (напр. японское «банзай», китайское «ваньсуй» или русское «долгие лета») и комплиментов относительно млажавого вида; к «игре в мо-

лодость» отнесем и увлечение ЗОЖ, который омолаживает или замедляет старение незначительно (причем неизменно делает это уже несколько тысяч лет, и в даосских текстах, и в античных, и в текстах Древнего Востока можно найти рекомендации относительно диет, воздержаний, умеренной физкультуры, самовнушений, которые ничем не отличаются от современного ЗОЖ). Сейчас можно видеть в названиях косметических кремов: антивозрастные, омолаживающие. В литературе, посвященной диетам, постоянно встречаются упоминания об омоложении. Здесь же заметим, что «воскресенье» – это день недели. К бессмертию в обществе относятся позитивно или вполне терпимо, но только в переносном смысле, как к игре, к юмору, не всерьез.

В художественной литературе позитивный образ телесного бессмертия встречается крайне редко, а негативный образ бессмертия тела встречается повсеместно. Например, фантаст Г. Гуревич, занимавшийся продвижением позитивного образа бессмертия, в личной переписке рассказывает о судьбе своего романа: «Детгиз роман забраковал, счел непригодной для детей, неуважительной по отношению к старикам проблему ликвидации старости» [Прашкевич 2020: 312]. Академик П. Ребиндер отмечает (1969 г.), что фантасты не желают писать о бессмертии в позитивном ключе: «Первоочередная задача в той области [прим. в биологии] – сделать человека бессмертным. Меня возмущает, когда под видом пропаганды научных истин утверждают тезис о неизбежности смерти, вместо того чтобы как следует подумать о проблемах продления жизни. <...> Вот меня и удивляет, почему фантасты обходят эти в высшей степени важные и почти совсем неразработанные проблемы»³ [Ребиндер 1969: 4].

Иммортализм и иммортофобность в современности

В государственной риторике используется понятие «увеличение средней продолжительности жизни», которую принято считать численным показателем уровня жизни (медицина, безопасность на производствах и на дороге, уровень преступности и т. д.). Писатель Н.С. Лесков отмечал, что российский народ теряет «в год одного человека из 30, тогда как народы других европейских стран, стоящих несравненно ниже России по условиям, необходимым для человеческого долгоденствия, теряют только одного человека из 57 и даже 1 из 61» [Лесков 1862: 96–107]. Из этих слов следует, что средняя продолжительность жизни в России в 1862 году составляла около 30 лет. Что касается современности, то можно сказать, что продолжительность жизни увеличилась: по данным Росстата, в 2022 году продолжительность жизни в России составляла 73 года⁴. Однако, действительно можно отметить, что практически во всех современных странах отсутствуют государственные программы, подобные космической или ядерной, которые заявляли бы своей целью увеличение продолжительности жизни граждан в 2-3 раза («радикально»). Исключением является Саудовская Аравия, где королевские власти организовали Фонд «Nevolution Foundation», перед которым поставлена задача найти способ увеличения продолжительности жизни⁵. Что касается гериатрии и геронтологии, то эти от-

³ К горизонтam будущего // Литературная газета. 1969. №38. 17 сентября. С. 4.

⁴ См.: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn7.htm (дата обращения: 21.04.2024).

⁵ См.: <https://nauka.tass.ru/nauka/14898809> (дата обращения: 23.11.2023).

расли деятельности, поддерживаемые государствами, заняты паллиативной помощью старикам, но не остановкой процесса старения или его обращением (омоложением).

Такое мощное явление, как иммортофобия, обязано вызывать ответную реакцию, и эта реакция всегда была и есть в виде идей, учений и персон, пропагандирующих бессмертие тела как ценность и как цель, к которой необходимо стремиться. В древние времена смущали умы людей алхимики и даосы, на рубеже XIX–XX веков о бессмертии говорили Н. Федоров, В. Соловьев, Э. Циолковский, а также литературное объединение в СССР (1920-е) «Биокосмисты». В настоящее время сторонники бессмертия тела называют себя технологическими постгуманистами («люди станут роботами, будут жить в космосе и сольют свои сознания в одно единое супер-сознание»), трансгуманистами («люди станут киборгами или оцифрованными сознаниями») или имморталистами («у людей останутся биологические тела»). Их дискуссионные клубы легко можно найти в социальных сетях (ВК, Телеграм), существует литературное объединение «Клуб иморт-фантастики»⁶ [Иванченко, 2023], выпускающее «сетературные» (сетевая литература) сборники рассказов, существует также музыкальный коллектив «Комплексные числа»⁷.

При всем при этом следует отметить, что современное сообщество сторонников бессмертия тела крайне разрозненно и немногочисленно: в России это сообщество составляет несколько десятков активных человек и несколько сотен пассивных наблюдателей, лидеры, способные командовать, как таковые отсутствуют, у самих сторонников отсутствует фанатичная убежденность в идее.

Заключение

Иммортофобия – это пример того, что культура реально способна влиять как на государственную деятельность, так и на направление научных исследований, пример хорош для возражения на то, что культура якобы лишь тень реальности. Например, это убеждение выражает Ф. Энгельс: «мы утверждаем, что всякая нравственная теория до сих пор являлась результатом, в конечном счете, данного экономического положения общества» [Маркс 1931].

Сама постановка на первое аксиологическое место человеческой жизни (а затем и нечеловеческой) и взгляд с этой точки зрения (со стороны иммортализма) на поведение и мотивацию реальных людей указывает на то, что традиционно (в нравах, обычаях и верованиях) жизнь стоит на первом месте только на словах, а на деле постоянно некто подвергает человеческую жизнь (свою или чужую) опасности самыми разнообразными способами: нарушает правила дорожного движения, технику безопасности на производстве, нормы общественного договора, подвергает себя риску в спорте и в хобби (горный туризм, дайвинг), совершает суицид, игнорирует заботу о здоровье (вредные привычки, отказ от посещения врача и профилактики заболеваний), становится наемным солдатом, бомбит города. Иррациональность иммортофобии и зла поистине велики.

⁶ См.: https://vk.com/c_kif (дата обращения: 21.04.2024).

⁷ См.: <https://complexnumbers.ru/> (дата обращения: 21.04.2024).

Сама противоречивая картина мира, которую человек строит вполне осознанно, призвана уменьшить эмоциональное страдание от обстоятельств реального мира. Поэтому вряд ли следует ожидать, что человечество сделает задачу омоложения приоритетной. Но даже если технология омоложения появится и люди перестанут умирать от старости (80% смертей), останутся те причины смерти, на которые сейчас приходится 1/5 доля смертности, поэтому человеческая жизнь увеличится всего в пять раз и смерть как факт физического мира останется. Останется потребность смиряться со смертью, встраивать ее в картину мира, останется иммертофобия, и будут появляться недовольные иммертофобией маргинальные иммертоалисты. На смену задачам создания технологий замедления старения, омоложения, регенерации тела придут другие задачи: замена эволюционной подстройки тела к изменяющимся условиям жизни на планете, генерирование смыслов жизни и определение вектора развития человечества.

Литература

- Акимов 2018 – *Акимов В. В.* Библейская Книга Екклесиаста и литература мудрости Древней Месопотамии. М.: Познание, 2018. 312 с.
- Андреева 2013 – *Андреева А. В., Феньвеш Т. А.* Смерть как социальный феномен // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №. 1–2. С. 33–36.
- Бонецкая 1995 – *Бонецкая Н. К.* Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. 1995. №7. С. 15–26.
- Вернадский 1922 – *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. СПб.: Время, 1922. 58 с.
- Вишев 2009 – *Вишев И. В.* Иммертология – современный вызов смерти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. №. 9 (142). С. 112–119.
- Вишев 2019 – *Вишев И. В.* К вопросу о статусе проблемы смерти и бессмертия человека // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 8–4(54). С. 225–228.
- Гагарин 2017 – *Гагарин А. С.* Экзистенциал смерти в античной философии (от досократиков до Аристотеля) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №. 1 (14). С. 12–18.
- Гэ Хун 1999 – *Гэ Хун.* Баопу-цзы. / Пер. с кит. Е.А. Торчинов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 384 с.
- Даренский 2016 – *Даренский В. Ю.* Смерть как ценность культуры // Международный журнал исследований культуры. 2016. №. 2 (23). С. 62–73.
- Иванченко 2023 – *Иванченко М. А.* Основные отличия иммерт-фантастики и иммертоализма от иммертофобии // Гуманитарные знания в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы. Шестые арефьевские чтения: Материалы Международной научной конференции, (Москва, 22–24 ноября 2022 года) / М.: НИУ «МЭИ», 2023. С. 142–148.
- Иванченко 2024 – *Иванченко М. А.* Первичное и вторичное страдание в психиатрии, онкологии, буддизме, трансгуманизме и необходимость его преодоления // *Galactica Media: Journal of Media Studies.* 2024. №6(1). 244–273. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.399>
- Лесков 1862 – *Лесков Н. С.* Вопрос о народном здоровье и интересы врачебного сословия в России // *Время.* 1862. № 2. С. 96–107.
- Маркс 1931 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 14. М.–Л.: Соцэкгиз, 1931. 359 с.
- Минеев 2014 – *Минеев В. В.* Философия смерти и умирания. Учебное пособие для студентов педагогических вузов. М.: Директ-Медиа, 2014. 97 с.

- Прашкевич 2020 – *Прашкевич Г.* Красный сфинкс. Малый бедкер по НФ или Книга о многих превосходных вещах. М.: Т8 RUGRAM, 2020. 800 с.
- Рабинович 1979 – *Рабинович В. Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 427 с.
- Сергеева 2015 – *Сергеева М. С.* «Физиологический коллективизм»: истоки идеи и практическая реализация в Институте переливания крови // История медицины. 2015. Т. 2. № 4. С. 519–532. <https://doi.org/10.17720/2409-5583.t2.4.2015.40e>
- Скулачев 2017 – *Скулачев В. П., Хольце С., Высоких М. Ю.* Неотения, или продление молодости: от голых землекопов до «голых обезьян» (людей) // Биохимия. 2017. Т. 82. № 10. С. 1389–1416.
- Соловьев 1914 – *Соловьев В. С.* Собрание сочинений. Том VI. СПб.: Просвещение, 1911–1914. 492 с.
- Стулова 1984 – *Стулова Э. С.* Даосская практика достижения бессмертия // Из истории традиционной китайской идеологии. Сборник статей / Под ред. О.Л. Фишман. М.: Наука, 1984. С. 230–270.
- Федоров 2008 – *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. 752 с.
- Чистопольская 2014 – *Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н.* Теория управления страхом смерти: основы, критика и развитие // Вопросы психологии. 2014. Т. 2. С. 125–142.

References

- Akimov 2018 – Akimov V. V. The Biblical Book of Ecclesiastes and the Wisdom Literature of Ancient Mesopotamia. Moscow: Poznanie Publ., 2018. 312 p. (In Russian)
- Andreeva 2013 – Andreeva A. V., Fenvesh T. A. Death as a social phenomenon // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2013. №. 1–2. P. 33–36. (In Russian)
- Bonetskaya 1995 – Bonetskaya N. K. Russian sophiology and anthroposophy // Voprosy filologii. 1995. №7. P. 15–26. (In Russian)
- Chistopolskaya 2014 – Chistopolskaya K. A., Enikolopov S. N. The theory of managing the fear of death: foundations, criticism and development // Voprosy psichologii. 2014. T. 2. P. 125–142. (In Russian)
- Darenskii 2016 – Darenskii V. Yu. Death as a value of culture // International Journal of Cultural Studies. 2016. №. 2 (23). P. 62–73. (In Russian)
- Fedorov 2008 – Fedorov N. F. Philosophy of the Common Task. Moscow: Exmo Publ., 2008. 752 pp. (In Russian)
- Gagarin 2017 – Gagarin A. S. The existential of death in ancient philosophy (from the Pre-Socratics to Aristotle) // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies. 2017. №. 1 (14). P. 12–18. (In Russian)
- Ge Hong 1999 – Ge Hong. Baopuzi, trans. by E.A. Torchinov. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1999. 384 p. (In Russian)
- Ivanchenko 2022 – Ivanchenko M. A. The main differences between immort science fiction and immortalism from immortophobia // Humanities in the 21st century: challenges, values, prospects. Sixth Arefiev Readings: Proceedings of the International Scientific, (Moscow, 22–24 November 2022) / Moscow: NRU “MPEI”, 2023. P. 142–148. (In Russian)
- Ivanchenko 2024 – Ivanchenko M. A. Primary and Secondary Suffering in Psychiatry, Oncology, Buddhism, Transhumanism, and the Necessity of Its Overcoming // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. №6(1). P. 244–273. <https://doi.org/10.46539/gmd.v6i1.399> (In Russian)

- Leskov 1862 – Leskov N. S. The question of public health and the interests of the medical class in Russia // *Vremya*. 1862. № 2. P. 96–107. (In Russian)
- Marx 1931 – Marx K., Engels F. Works. V. 14. Moscow–Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1931. 359 p. (In Russian)
- Mineev 2014 – Mineev V. V. Philosophy of death and dying. Textbook for students of pedagogical universities. Moscow: Direct-Media Publ., 2014. 97 pp. (In Russian)
- Prashkevich 2020 – Prashkevich G. Red Sphinx. Small Baedeker based on SF or a Book about many excellent things. Moscow: T8 RUGRAM Publ., 2020. 800 p. (In Russian)
- Rabinovich 1979 – Rabinovich V. L. Alchemy as a phenomenon of medieval culture. Moscow: Nauka Publ., 1979. 427 p. (In Russian)
- Sergeeva 2015 – Sergeeva M. S. “Physiological collectivism”: origins of the idea and practical implementation at the Institute of Blood Transfusion // *History of Medicine*. 2015. V. 2. № 4. Pp. 519–532. <https://doi.org/10.17720/2409-5583.t2.4.2015.40e> (In Russian)
- Skulachev 2017 – Skulachev V. P., Kholts S., Vysokikh M. Yu. Neoteny, or prolongation of youth: from naked mole rats to “naked monkeys” (humans) // *Biochemistry*. 2017. V. 82. № 10. P. 1389–1416. (In Russian)
- Solovyev 1911 – Solovyev V. S. Collected Works. Saint Petersburg: Prosveshchenie Publ. 1911–1914. 492 p. (In Russian)
- Stulova 1984 – Stulova E. S. Taoist practice of achieving immortality // *Iz istorii traditsionnoi kitaiskoi ideologii. Sbornik statei* [From the history of traditional Chinese ideology. Digest of articles], ed. by O.L. Fishman. Moscow: Nauka Publ., 1984. Pp. 230–270. (In Russian)
- Vernadskii 1922 – Vernadskii V. I. The beginning and eternity of life. Saint Petersburg: *Vremya* Publ., 1922. 58 p. (In Russian)
- Vishev 2009 – Vishev I. V. Immortology – a modern challenge to death // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2009. №. 9 (142). P. 112–119. (In Russian)
- Vishev 2019 – Vishev I. V. On the question of the status of the problem of death and immortality of man // *Eurasian Scientific Association*. 2019. № 8–4(54). P. 225–228. (In Russian)